

Кирилл Саитов

Запах страха

18+

Кирилл Саитов

Запах страха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66050813

SelfPub; 2021

Аннотация

Трое путников на обреченной дороге встречаются обреченную армию, но что же она делает здесь среди абсолютно разрушенного мира и что заставляет ее сражаться.

Кирилл Сайтов

Запах страха

Солнце медленно заходило за горизонт, оставляя на мертвой земле длинные красные тени. Эти тени дюйм за дюймом наползали на все живое, принося с собой усталость, которая новой волной накатывала на мир. На мир вокруг, который давно устал и готовился ко сну, пока еще мог спать: медленно закрывались чахлые цветы, замирала вода в немногочисленных водоемах, замолкала и без того редкая фауна. Желтая трава, которая днем качалась от слабого ветра, теперь тянулась к уходящему солнцу, будто волнуясь, что солнце не встанет вновь. А ведь оно могло и не встать снова... По крайней мере, никто бы не удивился этому событию. Солнце ведь тоже может в конце концов устать... Усталость очень давно пропитала воздух в этих местах, и казалось, что она не сойдет никогда. Лишь каждый вечер на закате одинокое солнце приносило новую ее порцию, чтобы завтра все повторилось. Умиравший мир и бездушное красное солнце...

Одинокие путники тоже устали. Их лошади давно перешли с галопа на рысь, затем на шаг, а теперь с огромным трудом переставляли ноги, волоча на себе людей, закутанных по самые брови в плотные плащи. Но эти лошади были еще бодрячком – они хотя бы еще могли переходить на галоп, они знали, что завтра с новыми силами ринутся вперед, открывая

все новые и новые мили, видимо, окружающий мир еще не успел поглотить их. Всадников было трое. Все трое были закутаны в дорогие дорожные плащи, выцветшие и порванные от долгого ношения и непогоды. Дорогая кожа сапог и изящные шпоры выдавали людей не самого низкого происхождения, а выправка и посадка в седле говорили о людях, которые не бегут от войны, а скорее несут ее на своих плечах. Да и тем более, на их седлах висели короткие клинки, которые были очень популярны на далеком востоке. Толстые ножи длинной с локоть и центром тяжести, смещенном к лезвию, которые при хорошем ударе могли отрубить голову не только человеку, но и чему-нибудь похуже. Хорошие клинки... Впрочем, оружие в этих землях было не редкостью. Скорее наоборот, редкостью было отсутствие оружия у одиноких путников. Хотя и сами путники были редкостью в этих давно потерянных землях. Потерянных землях... Хах, какие земли считать непотерянными, уже давно непонятно. Мир умирал, умирала земля, но больше всего умирали люди, которые так устали жить. Люди, для которых само существование их рода уже было в тягость. За 300 лет после Исчезновения усталость поглотила все вокруг. И даже если сердца людей все еще бились, а руки сжимали клинки, то огня в груди уже не было. Он прогорел, как и весь мир. Давно прогорел...

Когда небо из красного окрасилось в оранжевый и уже даже в фиолетовый, путники, к их собственному удивлению, встретили жизнь, столь редкую в этих местах. Огромный ла-

герь вооруженных людей раскинулся по обе стороны дороги. Действительно огромный лагерь для столь отдаленных мест. Нет, не какой-то караван беженцев или торговцев древностями, которые спешили на Восток, чтобы сбыть товар, и не бежавшая от войны деревня, у которой давно не осталось своего куска земли. Это был лагерь армии, настоящей, организованной армии, столь похожей на армии великих королевств древности, пусть и уставшей до смерти.

Над центральным шатром развивалось тысячелетнее, давно превратившееся в прах знамя. На его полотнище была изображена кровь. Да, именно кровь, хотя и сложно сказать, как древний художник сумел её нарисовать. Это огромное красное пятно было не мазком красной краски и не раздавленным случайной ногой томатом, а именно пятном крови, пролитой за великую борьбу.

Лошади медленно вошли в лагерь. Но на путников никто даже не взглянул. Даже караулы не окликнули трех вооруженных людей, будто показывая, что враги здесь явно не люди и что их присутствие абсолютно безразлично его многочисленным обитателям. Да, это была армия своего времени. По движениям людей было видно, что их абсолютно не волнует род их деятельности или чем они занимаются. Дежурные вяло подкидывали дрова в костер, кто-то бессмысленно протирал столетние копья, покрывшиеся толстым слоем ржавчины. Иные, не имея оружия из металла, с помощью обсидиановых пластин, делали короткие деревянные дротики.

И все это делалось с таким отсутствием энтузиазма и заинтересованности, что даже рабы в Южных государствах могли позавидовать их отстраненности от выполняемой работы.

Дорога упиралась в шатер, над которым развивался кровавый флаг. Дальше проехать было нельзя, поэтому Трое подъехали к нему и спрыгнули со своих коней. Продолжать движение уже не было сил, а люди, судя по всему, давно не представляли никакой опасности друг для друга. Напротив, этот шатер вызывал давно забытое чувство безопасности и уюта. Тонкая ткань выглядела как каменная стена, которая была готова защитить от любых врагов. Наверное потому, что это была ткань из прошлого мира, когда человек мог не бояться за свою жизнь на этом, некогда оживленном участке тракта. Возле шатра сидел человек, который неспеша строгал дешевым охотничьим ножом с рукоятью из рога оленя стрелу – стрел вокруг него скопилось довольно много. Было видно, что этим он занимается уже не один час.

На вид незнакомцу было около 30 лет, но морщины и седина в волосах показывали, что эти 30 лет были не самыми простыми. Впрочем, сейчас легко было только мертвым. Затасканная кожаная жилетка, тканевые сапоги, самодельный пояс из шкуры животного. Он не был похож на обладателя такого древнего и загадочного знамени. Но вот меч, который лежал рядом, говорил о многом. Такие мечи уже давно не делали нигде в известном мире. Двуручный, длиной около пяти локтей, с незаточенной частью у гарды и волнистым лез-

вием клинка. Это был не просто меч, найденный на трупе мертвого дворянина. Это было оружие королей, что сгинули в небытие уже очень давно. А его глаза... Они были фиолетового цвета, именно фиолетового, не синего и не голубого. Они даже сливались с небом, которое наконец оставило солнце, и говорили о том, что незнакомец не так прост как кажется. Этот меч и эти глаза были удивительными явлениями среди уставшего мира. И даже если бы незнакомец жил в самой бедной палатке, по этим двум атрибутам стало бы ясно – именно он то, что заставляет этих людей идти в бой.

Незнакомец наконец закончил строгать и поднял фиолетовые глаза на путников. Не говоря ни слова, он указал рукой на костер перед собой, призывая сесть. Путники сели и молча начали скромную трапезу. Все молчали. Уставшие люди не говорят... Но, когда с вяленным мясом было покончено, незнакомец взял клинок одного из путников и рассмотрел его в свете костра.

– Хм, такие экземпляры редкость в этих местах, слишком дорого их ковать, и слишком легко потерять в первой же битве. Да и выделяются они очень сильно на фоне деревянных стрел и обсидиановых копий.

– В битве? «Кто-то еще сражается по эту сторону от Великих Разломов?» —спросил путник в низкой шляпе, надвинутой на лоб, снимая с лица плотно намотанную ткань. Под ней оказалось зрелое лицо, слегка затронутое тенью старости, которая, судя по многочисленным шрамам на лбу и ще-

ках, пришла рано. И хотя плечи были также ссутулены, как и у остальных участников трапезы, его карие глаза все еще блестели в свете пламени, говоря, что ему еще рано оставлять этот мир.

– Всегда сражались, и будут делать это снова и снова, пока Кровавое Знамя не истлеет в прах, а последняя сталь в этой части света не превратится в ржавую труху

–И кто же сражается по Кровавым Знаменем? У кого хватило силы восстать после Исчезновения, в то время, когда весь мир готов молча катится в бездну.

–Что-то вы тоже не похожи на тех, кто решил молча умереть. Или вы решили, что по эту сторону Разломов земля мягче, а черви не так любят человеческую плоть?

Путник вздохнул и вытер испачканное в пыли лицо краем дорожного плаща, затем достал флягу, которая явно предназначалась не для воды, сделал глубокий глоток и машинально вытер вызванные крепким напитком слезы.

– По эту сторону Разломов земля хотя бы есть. Мир горит, незнакомец. Четыре месяца назад была прорвана оборона последней цитадели Востока. Армия Угнетенных не смогла выстоять против Унижения, стены последней столицы превратились в руины, люди больше не поднимают оружие для борьбы, а ветер разносит над курганами запах страха. Сама земля рушится, и в эту тяжелую минуту я ушел туда, где все начиналось и давно закончилось, чтобы встретить конец мира там, где он начал умирать.

– А они? – спросил незнакомец.

– Не думаю, что их хоть что-то волнует. Они – Угнетенные.

– Угнетенные?

– Те, кто сгорел изнутри еще в детстве и вырос без какой-либо цели, чтобы просто лицезреть конец мира, не видя смысла в том, чтобы его прекратить.

– И из таких ребят у вас была армия? Не слишком то умный поступок.

– Таких, к несчастью, хотя бы можно заставить сражаться, да и что-то я не увидел в твоих солдатах большого энтузиазма.

Незнакомец нехорошо нахмурился, а двое Угнетенных продолжили сидеть и смотреть на костер, даже не вникая в суть беседы. Парень помолчал и продолжил.

– Они на положении слуг. Довольно неплохих, кстати. Они не видят смысла о чем-нибудь думать, поэтому просто делают. Да и смерти не боятся. Но ты знаешь, против Исчезновения, мало быть храбрым. Против него вообще всего мало.

– Я так не думаю... Мы же тут не зря дрова жжём.

– Вы правда думаете победить их? Да вы безумцы! Кто вы вообще такие и почему вдруг вы решили, что сможете то, что не смогли за сотни лет до нас.

– Имени у меня нет, отец не успел назвать перед смертью, да и кому они сейчас нужны эти имена. Все что вам следует знать – мой род ведет эту войну с самого ее начала, это и

наш дар, и наше проклятье, и либо умрет весь мир, либо мы победим, другого пути нет.

– А если ты умрешь?

– Мой сын поднимет мое знамя...

– Но почему именно ваш род, и как вам удастся выживать все это время среди хаоса

Незнакомец с фиолетовыми глазами достал меч из ножен и повертел его в руках, рассматривая еле заметных чудовищ по всему клинку. За тысячи заточек и ремонтов все узоры стали лишь ушедшей тенью. Это была часть чего-то великого, часть истории достойной богов. Он закрыл глаза и вспомнил. Вспомнил все

...

Высокий рослый воин стоял на куче камней, которой был завален перевал в горах. Позади него из пещер и землянок выползали люди с оружием в руках. В их глазах горела звериная жестокость, а в сердцах было слишком много крови. В одежде, сшитой из убитых животных, под знаменами давно забытых родов они выходили тысячами и с дикими криками вставали за спиной своего командира. Вооруженные мечами, копьями, топорами – ржавыми, но все еще стальными и острыми, готовыми кромсать врага на куски. Все еще люди, хоть и выглядевшие как звери, они знали за что им сражаться и за что стоит сегодня умереть. Они верили воину с фиолетовыми глазами, ибо он и его предки никогда не подводили ни их, ни их отцов и дедов. И если понадобится умереть еще в

тысячах битв, они сделают это, попросив лишь камень, чтобы наточить топоры. Воин держал в руке огромный стяг с пятном крови, опираясь на двуручный меч с резной гардой и чудищами на клинке. Фиолетовые глаза светились на фоне восходящего солнца. Он ждал. Он помнил, что стоит на кону, помнил слова своего отца, прежде чем его тело сгорело вместе с тысячей других тел, когда полыхали зеленые леса севера. Но он не боялся ни секунды, он помнил о златовластом малыше, которого он увидел всего на 10 секунд и которому даже не успел дать имя, но кому сейчас нужны имена... Он знал, что этот малыш поднимет стяг крови, даже если в его венах крови уже не будет. Он не надеялся даже победить, но пока он сражался его род мог жить. Все-таки это великий дар. Раздался легкий звук впереди, будто шла морская буря и через секунду с равнины запахло страхом, и воин повернулся к своим одичавшим войскам.

—Когда 50 лет спустя вас спросят внуки, где был ты, когда разворачивалась самая великая битва за все живое в этом мире. Вы гордо скажете, я стоял под Кровавым Знаменем до последней капли крови. Так отстоим же наш мир в этот последний час, и пусть только смерть остановит нас в этой схватке. За Кровавое Знамя и за человечество! Позади раздался полу животный рев и огромная масса людей ринулась в битву.

Двуручный меч с узорами покидал ножны в тысячный раз, чудовища готовились кромсать чудовищ, люди готовились

умирать...

Через 6 часов воин лежал на камнях с разодранным брюхом, кровь медленно стекала на покрытую зеленой травой землю.

—Мой сын поднимет мое знамя...

.....

—Они на частоколе, на частоколе, уводите женщин и детей в лес, —кричал молодой посыльный среди огромной суетящейся толпы.

Огромное поселение людей, обнесенное прочным частоколом и земляной насыпью, постепенно обволакивал страх. Вокруг раскинулись пшеничные поля и пастбища, город и земля, что кормили и хранили их десятки лет теперь были под угрозой, а сражаться так не хотелось. Война так всем надоела.

Люди бегали, хватали детей и оружие. Бежали в дома и в сторону леса. Молились всем богам и духам предков. Поселение, которое они построили своими руками, когда все города пали, чтобы получить дом, нужно было защищать снова. Они 30 лет жили мирно и не были готовы умирать. Умирать не страшно, когда не за что жить, но эти люди... У них были семьи и были дома им хотелось бежать в сторону зеленых лесов, до которых было недалеко и которые могли сокрыть их ненадолго. Спасать свои семьи и свое добро. Луки и мечи давно превратились в сохи и прялки, никто не верил, что страх придёт снова, но он все же пришёл. И теперь все

поселение было в шаге от того, чтобы обезуметь. Но вдруг за спинами раздался звук боевого рога, и все повернулись, реагируя на столь забытый звук. Шестидесятилетний старик с белыми волосами до плеч, волочил за собой тяжелый меч, на котором виднелись светящиеся узоры – изображение древних чудовищ. Позади него парнишка десяти лет с таким же странным, как и у старика цветом глаз с трудом тащил старое знамя, на котором разлили кровь. Ветер трепал его, навевая ужас на людей, которые вдруг вспоминали свой долг и свои клятвы. Старик шел к частоколу, и все медленно расступались. Вся суета затихла и затихли даже враги, давая старику последний шанс. Он медленно прохрипел.

– Когда ваши внуки вас спросят, где ты был, когда разворачивалась битва за все живое, вы гордо скажете – я стоял и умирал под Кровавым Стягом вместе с моими друзьями и моим родом. Так встанем грудью за то, что нам так дорого, что мы построили своими руками и своим потом. Дадим последний бой! Построится в боевые порядки! Уводите женщин и детей в лес, забирайте все самое ценное и забивайте скот. Лучники на передний край обороны, достать копья и построится в терции, командиры на центр. Кавалерия – спешиться, кони пригодятся убегающим, мы же умрем стоя.

Командиры начали строить солдат в боевые порядки, стали подниматься боевые знамена. Лучники стали строиться в шеренги и натягивать стрелы на тетиву, из общей оружейной все мужчины разбирали копья и топоры, посыльные начали

выводить женщин и детей. Мальчишка с фиолетовыми глазами выхватил нож и бросился к воротам, где уже разгорался бой. Но старик поймал его за руку.

– Не туда, сын, помни, что ты мне обещал. Бери Кровавый стяг и уходи. Когда-нибудь я скажу тебе, что я был в великой битве, а если нет, то ты поднимешь мое знамя.

Сомнение отобразилось на молодом лице, страх и долг смешались в единое целое. Но что такое страх перед долгом, нож вновь вернулся в ножны, а кровавый стяг вновь оказался в руках человека с фиолетовыми глазами.

– Все кто может сражаться – приготовьтесь, наложить стрелы на тетиву! – проревел старик.

Ворота взорвались тысячей щепок и на поселение людей обрушился запах страха...

...

Молодой парень шестнадцати лет на отличной кавалерийской лошади, стоившей целое состояние, скрывался под сенью деревьев невидимый для глаз тех, кто мог находиться на располагавшейся рядом поляне. Моложавое лицо, еще не затронутое жизненными трудностями и невзгодами, сохранило следы мальчишеского озорства, и со стороны могло показаться, что парень ведет увлекательную игру. Но латы и оружие были вполне настоящими и увидевшими не одно сражение. В некоторых местах на них виднелись глубокие царапины, оставленные оружием, которое не могло принадлежать людям. Доспех был украшен выцветшими перьями экзоти-

ческих птиц, которые вкупе с золотыми шпорами подчёркивали материальное состояние своего владельца. Но среди всего вооружения особенно выделялся невероятный двуручный меч. Светящийся всеми цветами радуги, с вкраплениями драгоценных камней на гарде, он изображал невиданных чудищ, вымерших за тысячи лет до предстоящей битвы. Если латные доспех были не редкостью в этих процветающих землях, то такой меч был один на сотни тысяч других мечей. Все это изобилие дорогого оружия невероятно хорошо сочеталось с светлыми кудрявыми волосами всадника, делая его скорее красивым, чем грозным. Но это была не игра, игры кончились еще со смертью его деда, а сейчас была только кровь и война. К всаднику подъехал еще более молодой человек в легкой броне и красном жилете – символе посыльных на поле боя. Очень нервничая, посыльный обратился к всаднику, стараясь скрыть неуверенность в голосе.

–Мой принц, люди готовы, командиры трех лавин докладывают, что отряды заняли свои позиции и готовы к бою, все ждут только вашего сигнала к атаке.

–Терпение, дружище, я еще не чувствую, как пахнет страх, а значит наш враг еще далеко, и у нас есть время помолиться перед смертью

Напуганный этими словами посыльный, нарушая все правила этикета и субординации, остался стоять рядом с принцем, спросив:

–Думаете, они не заметят нашу засаду?

– Не должны, – принц ничуть не удивился такой вольности, его возраст давал ему право быть более свободным в общении со своими подчиненными, – легкая пехота – неплохая приманка, наши рыцари накроют их как горячий нож масло, стоит им только попасть в долину

– Но ведь никто никогда не побеждал запах страха, воины ропщут перед битвой, да и я сам тоже. Как мы победим тех, кого не смогли наши отцы и деды.

– Друг мой, Я собрал под Кровавым Знаменем 30 тысяч рыцарей и 20 тысяч пехотинцев. Западные королевства, северные, южные баронства и домены – все воюют здесь со мной. Если эта сила не способна остановить распространение страха, то нет в мире силы, способной это сделать. Главное только верить и знать, что борьба всегда будет продолжаться. Мы победим сегодня и огонь, что сжигает этот мир, наткнется на сталь наших клинков.

– Но как не бояться проиграть, если ставки так высоки? – все границы между принцем и посыльным рухнули в этот рассветный час перед битвой.

– Страшно потом будет 50 лет спустя рассказать своим внукам, что не стоял под кровавым знаменем, когда лавина свободных людей запада опрокинула напасть, что наш род призван был уничтожить. А умирать не страшно, ведь... он почему-то вспомнил свою беременную жену, которую оставил в родовом гнезде, уезжая на войну. Увидит ли он своего сына? Ведь... После сегодняшнего дня никто не умрет, так?

Посыльный не успел ответить – легкий ветер донес до принца запах страха, который медленно заползал в лес, давая понять, что битва началась. Посыльный поскакал обратно к командирам лавин, а всадник спрятал золотистые волосы под шлемом с перьями птиц. Молодое лицо сразу стало на 20 лет старше, в глазах мелькнул огонь жестокости и мести, а боевой конь беспокойно забил копытами, ощущая страх. Да, всадник был молод, но фиолетовые глаза блеснули как в последний раз, напоминая о великом даре и проклятье. Он вынул меч из ножен и протрубил в боевой рог.

Грохот конной лавины заполнил всю округу...

...

Цитадель полыхала, поднимая в небо огромный столб дыма и пела который застилал собой солнечный свет, делая битву еще более драматичной и жестокой. Великий город самой богатой империи континента, который выдержал сотни осад, сейчас рушился как песочный замок под ударами непослушного ребенка. Вековой камень сыпался в песок, говоря всему миру что война началась и что никто не сможет выстоять перед этим напором, никто...

Бой шел уже на четвертом ряду крепостных стен, которые еще никогда не видели у своего основания врага и имели больше декоративные функции, чем военные. Но на них уже всю лилась кровь. Командиры пытались наскоро организовать оборону, подкатывали телеги со стрелами, пытались заделывать бреши в укреплениях, но все было тщетно,

враг с каждым часом был все ближе, а люди с каждым часом все слабее. Мерзкий запах, который почему-то вызывал неподконтрольный страх уже окутал собой все стены и стукался в дверь императорского дворца – последней пятой цитадели обороны, из которой в срочном порядке выносили все ценности и выводили ценных людей. У них еще был шанс спастись – враг напал только с одной стороны, будто давая возможность людям уйти из цитадели, никакой осады не было. Но покинуть столицу – значить проиграть, а великие империи очень не любят проигрывать. И солдаты продолжали сражаться.

В самом центре дворца стоял высокий белоснежный храм, устремленный своим пиком в небесную твердь. Его стены, сделанные из безумно дорогого мрамора, были покрыты ликами богов, которые должны были спасти город. Многие предлагали запереться в храме, пока битва не кончится, надеясь, что боги остановят великое зло. Но храм пустовал. Точнее нет, в нем был один посетитель, который не выходил из него уже три дня и не позволял никому войти. Отец-император, властелин миллионов людей, стоял на белой плащанице стертymi в кровь коленями, и неустанно твердил слова молитвы, которая стала всей его сущностью и полностью поглотила все мысли, он молился и в этом он был един телом и духом, не отвлекаясь на такие глупости как еда и сон. Он понимал, что возможно, нужен там, на стенах, вместе со своими сыновьями и командующими, вместе с воинами, что

защищали его дом и его семью. Но почему-то упрямая мысль в голове заставляла его молить богов о пощаде, и он делал это пока пощада могла наступить. Подле него лежали его доспехи и меч, готовые в любую секунду ринуться в бой, чтобы защитить последнее святое место в этом городе. Фиолетовые глаза императора очень сочетались с мешками у него под глазами и с сапфирами в обитой вокруг хвоста волос короне, однако даже они уже были готовы закрыться от усталости и безнадежности. Неужели это и правда конец?

– Пощады для моего города и рода, пощады для моего города и рода, пощады, пощады, пощады – монотонные слова разлетались по храму и возносились к небесам, отражаясь от безликого небесного покрова.

– Хватит! – раздался голос, внушающий лишь желание подчиниться, и император замолк, протирая глаза, чаши с огнем вдоль храма горели фиолетовым пламенем. – не умирай на коленях перед лицом опасности, а продолжай защищать свой город и род, император.

– Но, боги, что могу я перед такой силой без вашей поддержки, мои люди умирают на стенах и баррикадах, их семьи покидают родные дома, а я знаю, что только вы можете помочь мне остановить это безумие. Пощады, пощады, пощады... – вновь затянул император.

– Мы сказали довольно!!! – голос пробирал до костей. – мы не можем помочь тебе Император Ганнавер, точнее не можем так, как ты хочешь. Боги больше не властны над этим

миром, мы покидаем его, и страх, что стучится в твои двери, остается с вами один на один.

– О, неееет. Император медленно сполз на мрамор храма, нет, что будет с моей семьей, с моим городом, со всеми нами...

– НО... Мы можем помочь тебе Ганнавер, мы можем дать последний дар тебе и этому миру перед тем, как навсегда покинем его.

– Особого рода дар, – раздался другой более высокий голос

– Какой?! – в фиолетовых глазах старика вновь мелькнула надежда

– Нам нужно твое соглашение, за тебя и твой род... Это и правда особый дар...

– Я согласен! – вскрикнул император, а затем добавил, – Я Ганнавер девятый, властелин запада и хранитель ключей Великой Цитадели от своего лица и лица своих потомков клянусь с честью нести дар, полученный от высшей силы. Спасибо... По его глазам струились слезы счастья. Спасибо!

– Хорошо, Ганнавер девятый, внемли нам. Твой род никогда не умрет, он будет жить до конца этого мира, и даже последний человек на земле будет иметь фиолетовые глаза. Только когда угаснет мир – угаснет твой род. Но помни о проклятье...

– Что! Каком проклятье! – вскрикнул Ганнавер и тут же обмяк, огромный меч вылетел из ножен и вонзился ему в

спину, светясь невиданными чудовищами. По белой плащанице растекалась кровь делая ее красной, будто покрашенной искусным художником. Великий император умирал на коленях внутри своего храма среди горящего мира. А смех обезумевших богов сотрясал стены и были различимы только безумные слова: «Твой сын поднимет твое знамя, зажжёт в сердцах людских он пламя, затем умрет и вновь круговорот». Боги покидали этот мир, оставляя свой величайший дар человечеству и величайшее проклятье роду Ганнавера.

Бой шел уже на пятом ряду стен, в двери храма быстрым шагом зашел юноша в окровавленных доспехах и со сломанным наконечником копья. Увидев мертвого императора, он бросился к нему, и скупая слеза осветила фиолетовые глаза. Принц медленно прикоснулся к рукояти отцовского меча, закрыл глаза и понял все...

Великий белый храм полыхал, а по дороге на восток вместе с толпой беженцев шел сильный юноша с фиолетовыми глазами. Из-под красной ткани, которую он держал в руках лился свет клинка, а в голове звучало лишь «Твой сын поднимет твое знамя»

...

Утро поднималось над безжизненной равниной, по которой ползали мелкие ящеры. Но оно не несло освобождение от усталости, он лишь напоминало, что стоит жить. Вдале-

ке около самого горизонта виднелись горы, а возле гор клубилась пыль, которая не сулила ничего хорошего. К горизонту, прямо к горам уходила извилистая дорога, вдоль которой в паре часов ходьбы от гор, стояла небольшая армия из нескольких тысяч человек, построившаяся в боевые порядки. Одетые в разорванную и снятую с трупов одежду, воины бессмысленно смотрели в сторону гор, ничего не ожидая и ни на что не надеясь. Старые и ржавые мечи и топоры, смотрели в воздух вперемешку с каменными копьями и дротиками. Никто уже не боялся, зачем бояться, если страх все равно придет к тебе сам? Нужно лишь ждать и готовиться умереть достойно, и, быть может, даже удастся победить. Перед строем развивалось истлевшее, но все еще красивое Кровавое Знамя. Оно чувствовало страх уже тысячи раз, со дня Исчезновения богов, это был тысячный сын и тысячная битва под ним. Под знаменем стоял и сам тысячный сын - незнакомец с фиолетовыми глазами, и три молчаливых путника, пришедших с Запада. Старый двуручный меч привычно ожидал битвы, готовый продолжить долг своих хозяев.

– Теперь ты понимаешь, в чем проклятье нашего рода? Мы сражаемся тысячи лет, чтобы человечество могло жить и продолжать борьбу, спасибо, что поддержали Кровавое знамя сегодня!

–Надеюсь, сегодня ты сможешь победить, – сказал путник с Запада, – а если нет, твой сын поднимет твое знамя. У тебя же он есть?

Незнакомец с фиолетовыми глазами кивнул и начал говорить

–Когда ваши внуки спросят вас...

На поле опускался запах страха...